

Рецензия на выпускную квалификационную работу А. С. Перниковой
«Уваровская награда для драматургов в истории русской критики
(на материале отзывов о творчестве А.Н. Островского)»

Магистерская диссертация Анастасии Перниковой – современное и, безусловно, полезное исследование одного из малоизученных литературно-театральных институтов XIX века – Уваровской премии для драматургов. Работа ценна не только отдельными наблюдениями над феноменом литературных премий и стратегиями разных участников их распределения, но и новыми данными о критической деятельности П. В. Анненкова, А. В. Никитенко и др. В частности, в приложении к работе впервые публикуются отзывы Никитенко на пьесы Островского, подготовленные для комитета Уваровской премии. Готовность диссертанта профессионально работать с архивным материалом, редко встречающаяся на магистерском уровне, заслуживает отдельной похвалы.

Тема работы актуальна и отвечает общему научному курсу последних лет, в рамках которого литература рассматривается как особое социальное пространство, постепенно усложняющееся, постоянно стремящееся к большей структурности и на этом пути обрастающее необходимыми механизмами, практиками и институтами.

Поставленные задачи автором работы выполнены, выводы обоснованы, избранная научная литература привлекается в нужном объеме и свидетельствует о хорошей ориентации диссертанта в вопросах, которым посвящена ее работа. Структура диссертации отвечает поставленным целям и представляется мне прозрачной, удобной и логичной. Язык автора, несмотря на отдельные недостатки, в целом строг и удобопонятен – автор вполне освоила нормы академического письма.

Вопросы и замечания этого отзыва не имеют принципиального характера, посвящены частным аспектам работы и не должны влиять на ее оценку.

Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и уже упомянутого приложения, имеющего самостоятельную ценность.

Во введении рассказано об Уваровской премии, ее структуре, учредителях и принципах. Возможно, здесь не были бы лишними подробности или хотя бы ссылки на новейшие работы по этой теме научного руководителя диссертанта К. Ю. Зубкова. Автор говорит также и вообще об институте литературных премий, о состоянии изучения премий как социального механизма, выбирая из всего массива работ на эту тему монографию Дж. Инглиша и статью А. И. Рейтблата и Б. В. Дубина. Пересказывая Инглиша, Перникова пишет, что его представление о функционировании символического капитала «значительно шире», чем у П. Бурдьё, но чем именно шире, все-таки не показывает. У Инглиша якобы

описаны механизмы взаимного конвертирования символического (и реального) капитала, заработанного в разных «полях», но концепцию Бурдье это не дополняет: идея, что полученный в одной области капитал может быть пересчитан в другой области только по подвижному «курсу», представляется мне вполне бурдеанской. Вероятно, специфику подхода Инглиша стоило бы описать подробнее. Из мелких недочетов отметим фрагмент, где Перникова пишет: «Авторы отзывов должны были принимать на себя роль литературных, театральных критиков и цензоров». Чем работа рецензента напоминает работу цензора, здесь не поясняется, мысль эта не очевидна и в дальнейшем в работе не используется.

В первой главе работы рассматривается случай 1860 г., когда премий удостоились сразу две работы, «Гроза» А. Н. Островского и «Горькая судьбина» А. Ф. Писемского. Значительную часть главы занимают аналитические пересказы опубликованных отзывов рецензентов – Галахова о «Грозе» (второй отзыв И. А. Гончарова хорошо известен и поэтому не разбирается), А. С. Хомякова и Н. Д. Ахшарумова о «Горькой судьбине». Показано, как и почему несмотря на отрицательные отзывы пьеса Писемского получила премию. Отсюда сделан переход к разговору о специфике положения самой академической комиссии. Она с одной стороны, декларировала свою полную объективность (академики не имеют непосредственного отношения к миру искусства), и полную же непредвзятость (они не рецензируют, а назначают рецензентов). С другой стороны, академия демонстрировала полный контроль над распределением символического и финансового капитала, либо на уровне выбора рецензентов, либо игнорируя их выводы (как в случае с «Горькой судьбиной»).

В сюжете о том, как П. А. Плетнев «спрямляет» выводы рецензентов о пьесе Писемского присутствует некоторая неясность. Диссертант пишет: «В Отчете о присуждении премии за 1860 год, где опубликована разбираемая нами рецензия, мы находим совершенно противоположный вывод. Теперь, хотя произведение все еще нельзя считать образцовым, премию ему за несомненный талант, присудить все-таки стоит. Исправления в тексте сделаны другой рукой чернилами». В каком тексте, в тексте отчета или рецензии? Получается, что диссертант кроме опубликованного отчета работал также с рукописью Ахшарумова или рукописью отчета? Почему же в таком случае автор на нее не ссылается? Разница между рукописным и опубликованным отчетом ведь претендовала бы на совершенно отдельное место в структуре главы.

Несколько мелких замечаний. В первом абзаце главы диссертант говорит о переходе Островского из «Москвитянина» в «Современник» и вступлении его в «обязательное соглашение» в 1857 г. Не лишним было бы заметить, что несмотря на безусловную

эффектность жеста, на практике «обязательное соглашение» почти не соблюдалось, в том числе и Островским. Опубликовал же он обсуждаемую в первой главе «Грозу» в «Библиотеке для чтения», да и другие тексты конца 1850 – начала 1860-х гг. охотно отдавал в другие журналы (ср.: «Доходное место» 1857 г., «Зачем пойдешь, то и найдешь» 1861 г.).

Во втором абзаце главы автор, рассуждая о важности начала 1860-х гг. в жизни Островского, пишет: «Г.А. Кушелев-Безбородко начал издавать первое собрание сочинений писателя. При этом цензура запретила постановку драмы Островского “Свои люди сочтемся”». Кушелев-Безбородко не просто начал, но вполне осуществил первое полное собрание Островского в 1859 г., реакцией на него стала статья Н. А. Добролюбова «Темное царство». Про «Своих людей» же вернее было бы сказать, что к началу 1860-х гг. пьеса оставалась под запретом уже почти 10 лет.

Когда диссертант сообщает, что у поэта Н. Ф. Щербины, назначенного рецензентом «Козьмы Захарьича Минина-Сухорука» (1862), были «напряженные отношения» с молодой редакцией «Москвитянина», не помешало бы добавить, что к моменту появления исторической пьесы Островского молодой редакции давно не существовало.

Во второй главе автор сопоставляет несколько отзывов П. В. Анненкова на пьесу Островского «Грех да беда на кого не живут»: краткую ироничную характеристику в письме И. С. Тургеневу, критическую статью в «Санкт-Петербургских ведомостях» и отзыв для Уваровского комитета. Выясняется, что в оценке произведения Островского между статьей и отзывом существует большая разница: статья скорее скептическая, а отзыв совершенно похвальный. Привлекая другие статьи и отзывы Анненкова, диссертант показывает, что риторика и отчасти оценки в отзывах продиктованы специфическим положением Анненкова, руководствовавшегося жесткими, но расплывчатыми требованиями «Положения о присуждении премии» и ощущавшего себя говорящим от лица всего сообщества критиков.

Совершенно не оспаривая справедливости и показательности соображений автора, зададим тем не менее простой и, может быть, несколько грубый, но необходимый вопрос (вероятно, просто формулируя на бытовом языке более сложно описанную автором проблему): не считает ли диссертант, что Анненков, в отзыве для Уваровской премии, попросту лицемерил? Перникова показывает, что в письме к Никитенко Анненков, объясняя разницу в оценках, ссылается на «Положение» и на нужды самой Академии (которая не должна слишком расходиться в оценках с публикой), но нет ли лукавства и в этом объяснении? Еще проще: не может ли быть так, что, не считая новую пьесу Островского выдающимся драматическим произведением, Анненков при этом вовсе не возражает против получения Островским (читай – хорошим человеком) денежной премии?

Еще порция мелких замечаний. Мне не хватило ссылки на используемый неопубликованный отзыв Анненкова на пьесу П. Д. Боборыкина «Ребенок». Говоря об обстоятельствах создания пьесы «Грех да беда на кого не живет», Перникова пишет: «Работая в своем привычном ритме (по пьесе в месяц) Островский 26 ноября 1862 года завершает ожидаемую драму». Здесь имеет место какое-то недоразумение: в таком темпе Островский не работал никогда.

Две заключительные главы – монографические. Они менее концептуальны, зато опираются на более редкий, и менее доступный материал. Третья глава посвящена отзыву казанского профессора Н. Н. Булича на пьесу «Воевода (Сон на Волге)», а четвертая – отзывам Никитенко на разные пьесы Островского.

Третья глава – самая краткая в работе. Главной в главе является идея о противоречивом, промежуточном положении Булича, который «с одной стороны, придерживаясь мысли, что все произведения, отражающие историческую правду, достаточно художественны и заслуживают высокой оценки, <...> рассматривал пьесу Островского в положительном ключе. С другой стороны, как член экспертной комиссии, который должен руководствоваться Положением, он должен был пользоваться “эстетическими” категориями, которые не мог сводить к исторической оценке».

В четвертой главе конспективно излагаются все сохранившиеся отзывы Никитенко на пьесы Островского, подготовленные для Уваровского комитета. Источник нормативных эстетических представлений Никитенко автор диссертации справедливо обнаруживает в подробно проанализированной статье критика «Мысли о реализме в литературе» (1872). В целом автор показывает, что Никитенко не оценил позднего Островского по достоинству, дав отрицательные (иногда почти оскорбительные) оценки даже шедеврам уровня «Волков и овец» и «Леса». Фактически глава является самостоятельным и полноценным исследованием литературных отношений Никитенко и Островского.

Укажу на характерную мелочь, которая могла бы быть использована диссертантом для некоторой концептуализации разговора о Никитенко. В главе говорится кроме прочего о рецензии Никитенко на «Димитрия Самозванца» Островского, но цитируется печатная статья, вошедшая в «Складчину». Автор никак не останавливается на этом сюжете, а зря. Следует ли дело понимать так, что отзыв и опубликованная статья – один и тот же текст? Если так, то получается, что разобранный автором во второй главе анненковская коллизия публичной статьи / конкурсного отзыва для Никитенко совершенно не актуальна, а его оценка разбираемого произведения вовсе не зависит от контекста. Не позволило бы это наблюдение сделать некоторые выводы, как о разнице положений в «поле литературы» Никитенко и Анненкова, так и об устройстве самого поля?

Теперь о мелких недочетах. Непонятно, зачем в главе о Никитенко, автор постоянно ссылается на архив, если отзывы Никитенко с указанием архивных адресов публикуются в приложении. Справки об истории создания и распространения отрецензированных Никитенко пьес Островского выглядят вторичными и избыточными, только отвлекающими от основного сюжета главы. Это кажется, понимает и автор, в ряде случаев отказавшийся от таких справок без специальных объяснений.

В работе имеются немногочисленные стилистические погрешности. Укажу на несколько примеров. Во второй главе про отзыв Анненкова сказано, что «этот текст является апологетом произведения Островского». Автор, конечно, имела в виду апологию, а не апологета. В третьей главе: «Руководствуясь подобными взглядами и на народную жизнь в историческом смысле, тем более учитывая указанное нами выше высокое значение, придаваемое Буlichem земству, неудивительно, что проблематика пьесы Островского была высоко им оценена». Классический случай «слетевшей шляпы». В четвертой главе имеется другая, не менее нелепая стилистическая ошибка. Автор пишет, что «Никитенко отмечает несоответствие этого произведения критериям для подаваемых сочинений». Какого «этого»? По смыслу понятно, что «Снегурочки» Островского, но стилистически местоимение может относиться только к «Разоренному гнезду» Д. И. Минаева, упомянутому в предыдущем абзаце.

В целом я рассматриваю эту диссертацию как этап в большой работе по изучению Уваровской премии. В настоящий момент концептуальные обобщения представляются мне менее насущной задачей, чем систематизация большого массива не введенных в научный оборот документов. Диссертация Перниковой, на мой взгляд, удачно сочетает осторожные теоретические рассуждения о литературной премии как социальном феномене и профессиональную работу с материалом. Труд этот должен быть продолжен, а на этом этапе заслуживает самой высокой оценки.

Кандидат филологических наук, PhD,
Преподаватель кафедры истории русской литературы
Филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова
Андрей Сергеевич Федотов

